

***Калерия Петровна Васильева (Вейницкая).
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

Калерия Петровна родилась 12 ноября 1913 года еще в Петербурге.

ДЕТСТВО. ПЕТРОГРАД.

У деда был домик в деревне Охта, в том районе, где сейчас Охтинское кладбище. Места эти были популярны среди цыган, не зря и сейчас на Охтинском кладбище много цыганских могил. По семейному преданию, мы ведем свой род от выходца из Италии Леопольда Кортези, который женился на уроженке деревни Охта. Семья моей матери Татьяны Кортези была большая, семь человек детей. Ее отец Николай умер рано, бабушка Шура сумела вырастить всех семерых: кто был в приюте, кто в ученье у мастериц, итальянская кровь у всех выразилась в ярких музыкальных и артистических способностях. Все мои тетки и дядья пели в церковных хорах, играли в любительских спектаклях. У бабушки был хороший слух и прекрасный голос.

Мой отец, Петр Иванович Вейницкий

Моя мама, Татьяна Николаевна Кортези работала, была сельской учительницей, а мой отец, Петр Иванович Вейницкий, умер в 25 лет от рака, только и успев поддержать меня маленькую на руках. Его мать, моя бабушка была в услужении, как тогда говорили. Она меня и растила.

Мои первые воспоминания относятся ко времени первой мировой войны. В Петрограде был сильный голод, горожане отправлялись в деревню за едой, меняли вещи и драгоценности на продукты. Кстати, крестьяне вели себя нагло, жадность была невероятная тогда. И вот одно из моих первых воспоминаний, мне 4 годика, и мы поехали с бабушкой (по совету тетки) в новгородскую деревню Небалчи. Ехали в теплушках – спальных вагонах, паровоз был «Максим» - в честь Максима Горького. Приехали. Наш товар – колечки, украшения всякие. А крестьяне ничего нам продавать не захотели. А нам уже в этот день домой не добраться, понятно, что придется тут и ночевать – без

еды, без крыши над головой, а потом с пустыми руками в город возвращаться. С горя бабушка запела, и я, мелочь, стала ей подпевать. Пели мы, в основном, романсы:

*.... Накинув плащ, с гитарой под полою,
К ее окну приник в тиши ночной ...*

И тут бабы из окон высовываются, начинают смотреть. Все смотрят – а я стою на скамейке и пою!

*...Не разбужу я песней удаюю
Роскошный сон красавицы молодой!*

И тут понеслось – и яички нам вынесли, и маслица, и молока. Даже кур бабушке дали с собой! Переночевали мы и поехали обратно.

А продукты тогда ввозить в Петроград было нельзя, все отбирали на въезде патрули, поэтому курей этих бабушка под юбку привязала к поясу, головами вниз.

Так и поехали на поезде.

Дошел поезд до переправы через Мсту. Мосты были тогда ветхие, поэтому из поезда пассажиров высаживали, состав шел порожняком, а люди перебирались пешком. И вот когда моя бабушка по склону оврага вверх лезла, тут эти курьи головы у нее из-под юбки и показались. Солдатики смеялись в голос, но кур не отобрали.

Моя мама пела в церковном хоре, с монашествующими дружила, поэтому летом 1917 года, между революциями, мы с бабушкой жили при женском монастыре в Каргополе, на берегу Онеги. Помню, мы туда 80 километров на лошадях добирались. Там было очень много рыбы, готовили ее по местному обычаю – в ржаном тесте: цельную

***Мать, Татьяна Николаевна
Кортези***

рыбу обмазывали тестом, запекали в печи, потом тесто выкидывали, а сочную рыбу ели.

Там мы и застали революцию, но в тех краях она никак не сказалась, все было спокойно и тихо. Через какое-то время мама поехала нас с бабушкой забирать обратно в Петроград.

Мама моя тогда работала делопроизводителем на Московском вокзале и получила комнату рядом с работой - на Пушкинской улице (ведь тогда из Петрограда бежали, жилье освобождалось и заселялось заново).

Из Каргополя мы ехали с бабушкой на поезде, и всю дорогу на руках у бабушки был Боренька, укутанный в одеяло. У меня в руках была бутылочка, я просила всех быть потише и не будить моего братца Бореньку, а то он проснется и на весь поезд будет плакать. На выходе из Московского вокзала молодой солдатик даже помог бабушке, тащившей на руках «дите», пройти сквозь толпу. Я только помню, как мы с трудом поднялись на наш этаж, бабушка села прямо у стены, выронила «Бореньку», и огромный пудовый куль с мукой медленно покатился по полу...

После революции в городе было очень голодно и на какой-то время меня отдали в приют для «сирот и полусирот» на Васильевском острове, на углу Большого проспекта и 17 линии. Его держали немцы на американские деньги, и в приюте мы говорили только на немецком.

После ранней смерти моего отца нам очень помогал мой крестный отец, Карл Пуатье, инженер Охтинского судостроительного завода – потом он уехал в Николаев, где и был впоследствии арестован и расстрелян.

Бабушка умерла в 1924 году, после смерти Ленина. Тогда она нам сказала: «Вот теперь будет плохо».

Бабушка была толстовкой, то есть в Бога верила, но обрядов не признавала, а я в церковь по ее указанию ходила – в Лаврушенское подворье на Бассейной улице. После смерти бабушки, которую я очень любила, я и ушла из дома, от мамы, жить в подворье. Мама меня все хотела забрать оттуда, а монашки отдавать не хотели – я пела хорошо.

УЧЕБА.

В двадцатые годы было голодно, и на улицах часто грабили. Помню, что иду я из школы в красном платье красивом, какая-то женщина стала охать, какое у меня красивое платье, и как мне нужны туфельки в цвет, и что она отведет меня к сапожнику... Завела в какую-то парадную, стала спрашивать, есть ли на мне крестик. А у меня на шее под косынкой была цепочка с массивным золотым распятием, но то женщине я уверено ответила: «Нет, мама сказала, что цепочки с крестиками срывают и носить запретила! Нет ничего!» Актерские способности, наверное, помогли – и она от меня отстала, а распятие то мы потом продали в Торгсине и долго еще жили на эти деньги...

**Калерия
Петровна
Вейницкая,
начало 1930-х**

Тогда же, в 1924 году, я попала в первый пионерский набор, который объявили после смерти Ленина. Ходила на пионерские сборы. В тот год было сильное наводнение, и мы с подружкой побежали из дома по затопленным улицам

спасть пионерское имущество, но дойти не смогли – какие-то люди заметили нас, посадили в лодку и спасли.

Училась я в замечательной школе, бывшей гимназии княгине Оболенской в Басковом переулке, ходила на занятия в драматический кружок к Юрию Толубееву, отцу знаменитого актера.

Вначале 30-х мама встретила с удивительным человеком – Негованом Александровичем Жакичем. Жакич был военнопленным, служил у Кирова, а потом его – серба по национальности – взяли в иностранный отдел НКВД. Рассказывал нам, что в СССР под видом специалистов приезжали фашисты, а он их

**Моя мама, Татьяна
Николаевна Вейницкая
(Кортези) и Негован
Александрович Жакич
(30-е годы)**

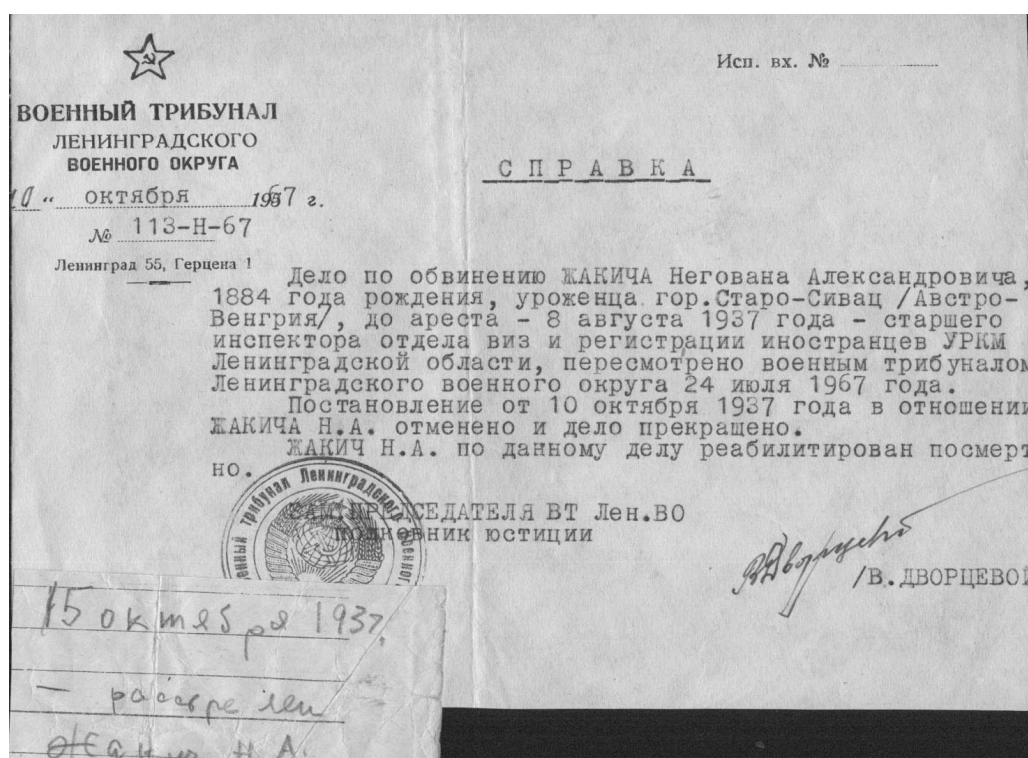
ловил. У него был красный служебный мотоцикл.

Он был настоящим коммунистом, а надо сказать, что с Кировым коммунизм убили. Осталось только рвачество.

Я в те годы училась, но поступить туда, куда хотела – в Железнодорожный Политехникум – не смогла «по мандатным данным», так как происходила не из рабочих, а из служащих. Поэтому пошла учиться в ФабЗавУч «Электроаппарат» - в фабрично-заводское училище, чтобы оттуда уже поступать в Кораблестроительный институт.

В 1937 году Жакича арестовали. Я пришла ректору института и рассказала все прямо. «Не ты первая, не ты последняя» - сказал он и перевел меня на гражданскую специальность. Из комсомола меня вытурили. Было уже готово распределение на комсомольскую стройку в Комсомольск-на-Амуре, но и туда не пустили. Жизнь повернулась, хотя сейчас видно, что в чем-то и к лучшему – ведь из однокурсников, уехавших поднимать город на Амуре, почти никто не вернулся – просто погибли в тех нечеловеческих условиях, в которых велись ударные стройки.

А судьба Жакича трагична. Приговор был быстро приведен в исполнение – его расстреляли.

**Справка о реабилитации Жакича Н.А. Маминой рукой
приписано: «15 октября 1937 – расстрелян Жакич Н.А.»**

С матерью в ссылке

Вслед за Жакичем арестовали маму, тоже в 37-м году. Трибунал тогда находился на Дворцовой площади, маленькая дверь в арке Главного штаба. Маму спасло то, что они с Жакичем не были официально расписаны и ее направили в ссылку – в Кировскую область. Мы – уже с мужем моим – ездили ее туда навещать.

К ссыльным крестьяне относились хорошо, не обижали. Жили по разным деревням, на одном месте ссыльным долго жить запрещалась, поэтому войну мама встретила в деревне под Тверью.

ВОЙНА. БЛОКАДА.

Хорошо помню 22 июня 1941 года. Мы с мужем поехали на трамвае гулять в Парголово – я тогда была в положении. Встретили наших друзей Ваулиных, и тут услышали объявления по динамикам. А навстречу нам пошли танкетки.

Ребенок, девочка, родилась мертвой уже в блокадном городе.

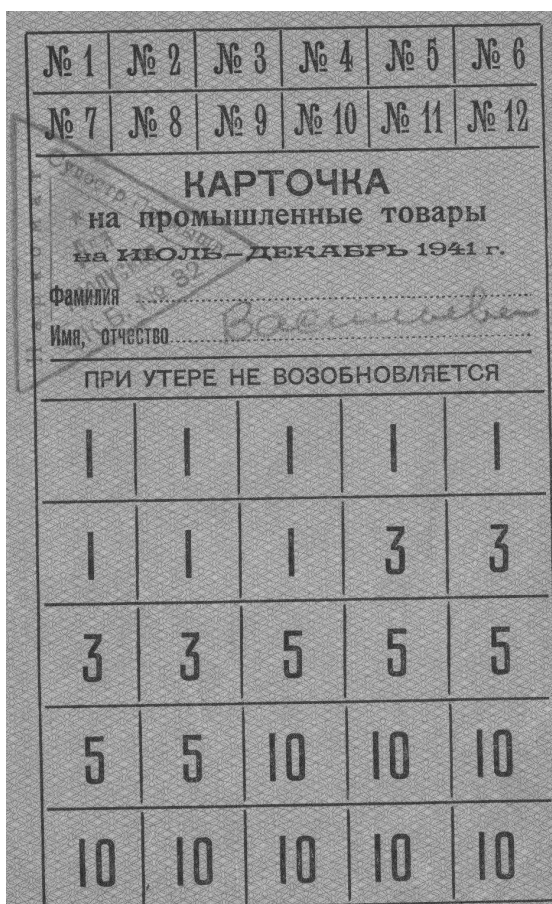
Мужа моего, Евгения Сергеевича Васильева, призвали, но по состоянию здоровья – у него было серьезное почечное заболевание – не мобилизовали, а направили по госпиталям. Всю войну в блокадном Ленинграде он провел на разных больничных койках, в основном в госпитале на Васильевском острове, а я к нему каждый день ходила.

Это меня и спасло в блокаду, наверное: то, что каждый день ходила со Знаменской улицы на Васильевский остров пешком.

И еще две вещи спасли: желатин и морская капуста. Желатин мы успели закупить по совету соседки в первые дни войны, а морскую капусту мне прописывали врачи из-за язвенной болезни желудка, а я ее очень не любила и складывала в шкаф между дверей.

В блокаду я постоянно не работала, потому что нужно было мужа навещать. Я не могла по отдельности, чтобы он один в госпитале, а я где-то в другом месте. Поэтому и ходила к нему каждый день. Как-то я нарядилась, накрасилась, иду к нему на 13-ую линии, довольная, что я такая красивая к мужу иду. Пришла, а он мне – «Какая же ты страшная....»

Одно время работала в столовой для дистрофиков в саду отдыха Дворца

Пионеров. Почти все работники, так или иначе, воровали, а я не могла так никогда. Оттуда меня выжили, подкинув в шкафчик для переодевания кусок сыра. За это могли расстрелять, но за меня вступился повар и спас «Уходи, и чтобы тебя здесь не было больше. Ты же белая ворона – заклюют».

Потом работала в пожарном отряде при складах Гостиного двора.

Зимой я совсем ослабла и несколько дней не ходила к мужу. В нашей квартире самым теплым местом была ванная комната, в ней я и лежала. Наверное, я уже умирала – голод подступил, а соседей уже не было.

Карточка на промышленные продукты Калерии Васильевой – второе полугодие 1941 года. Не отоварена.

Муж заволновался, что меня нет уже несколько дней, и позвонил нашему соседу, профессору и попросил меня

навестить. Тот был врачом, поэтому у него дома работал телефон. Он взял с собой собаку, колли и пошел ко мне.

Именно колли и унюхала меня в пустой темной квартире, когда ее хозяин уже собирался уходить – стала скрести дверь. Они меня растормошили, вытащили на улицу – так и спасли. Конечно, у любого сразу возникнет вопрос – откуда в блокадном Ленинграде колли? Жена профессора была акушеркой. Послеродовыми остатками они и поддерживали еще какое-то время свою собаку.

Муж лежал в госпиталях, был совсем слаб, и уже его положили в палату для покойников. А у меня был табак, и я пошла на Мальцевский рынок менять его на бутылку водки или что-то еще для поднятия сил. И у одного мужика на рынке я выменяла бутылку портвейна. Настоящего. И этот портвейн спас моего мужа – он пил его маленькими глоточками, и постепенно поднялся.

Действительно, день прорыва блокада был для жителей Ленинграда важнее всего – я хорошо помню грохот салюта. День Победы запомнился не так сильно, ведь после прорыва блокады наша победа уже была очевидна.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

После войны жизнь налаживалась не быстро, продукты были по карточкам, с ограничениями – например, яйца давали только один раз в месяц, по десятку на человека. В магазинах были сплошные консервы – например, камчатские крабы...

Муж работал инженером-кораблестроителем, я растила двух дочерей, родившихся вскоре после войны, а моя мать все еще была в ссылке. По сроку должны были освободить только в 1953 году.

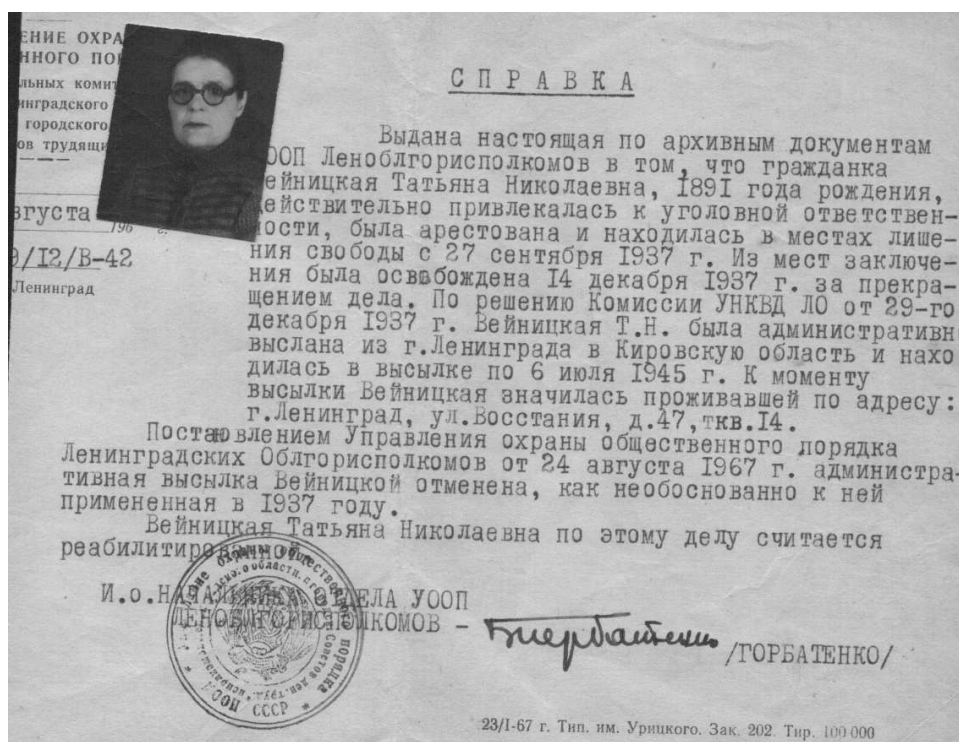
Как-то вскоре после войны приходит к нам сосед и спрашивает, где же Татьяна Николаевна, моя мама. «В ссылке» - отвечает муж. «Устроим» - ответил он, и через неделю меня вызвали в Большой Дом на Литейном. Что делать? Предупредила тетку, куда иду, взяла грудную дочь в охапку и пошла в бюро пропусков.

Нам какой-то офицер мне сказал все записать о матери и ее деле и опустить в почтовый ящик, который был на улице для прошений. Разозлило это меня, я ему и говорю – «Не буду!» - «Почему?» - «Уже все писала, опускала, не буду опять!»

Домой пришла, успокоилась, подумала и решила сделать, как он сказал.

Неделя прошла – опять вызывают. Снова говорю свекрови, куда я иду. Тот же офицер меня принимает, уговаривает сесть и сообщает, что обвинение с моей матери снимается, и она может вернуться в Ленинград.

Справка о реабилитации матери от 1967 года.

Оказалось, что этот офицер был другом нашего соседа Толи, тот ему позвонил и попросил помочь. Так моя мама вернулась к нам на 8 лет раньше и жила в семье.

СЕМЬЯ

Семья и дом всегда были для меня самым главным. Мы с мужем и дочерьми много путешествовали, т.к. одни из первых купили машину.

Тогда машины были в новинку, их продавали дешевле себестоимости – мы три года откладывали премиальную, тринадцатую зарплату мужа и купили Москвич. Летом брали с собой патефон, чтобы с музыкой путешествовать, сажали дочек и ездили по стране. Во многих местах, например, на Карпатах, жители впервые видели легковой автомобиль – грузовики, тракторы были, а легковых машин не было.

Что помогло мне прожить такую длинную жизнь и сохранить бодрость духа и оптимизм? Не знаю. Наверное, я никогда не боялась трудностей и всегда была оптимисткой.

И, конечно, семья и любовь. Мы познакомились с мужем в Кораблестроительном институте. На практике на Каспийском море он спас меня – я нырнула с баржи в море и начала тонуть из-за сильного течения. И я пообещала себе, что когда-нибудь спасу его. Так и вышло – в блокаду.

Мы прожили с ним до его смерти вместе 66 лет, вырастили двух дочерей, обе закончили консерваторию. У меня 6 внуков и 8 правнуков.

С семьей (далеко не в полном составе) после концерта в Большом Зале Филармонии Санкт-Петербурга

А еще – трудная жизнь помогла. Когда в жизни все легко складывается и все плавно течет, это одно, а когда все непросто и нужно постоянно делать выбор, принимать решения – это держит в форме.

Воспоминания записала и оформила

Ольга Андреевна

2012-2013гг.